

Михаил Булгаков

Собачье сердце

*Полумрак.
Клетка с собакой.
Входит доктор Борменталь. В руках – диктофон. Диктует.*

Борменталь: Михаил Булгаков. «Собачье сердце». Хроника одного эксперимента. *(достает карманные часы)* Двадцать третье декабря. Восемнадцать тридцать. Операция.

Свет гаснет. Собачий лай и визг. Голоса в темноте.

Профессор: Когда умер ?

Борменталь: Три часа назад.

Профессор: Зина ! К телефону Дарью Петровну, записывать, никого не принимать ! Ты нужна. Доктор Борменталь, умоляю вас – скорей, скорей, скорей !

Зина *(кричит)*: Дарья Петровна!.. Дарья Петровна!..

Рычание пса.

Профессор *(осторожно)*: Ошейник, Зина, только не волнуй его.

Зина *(отчаянный крик)*: Куда ты, черт лохматый?.. Вот окаянный!

Бешеный лай.

Профессор: Стой, с-скотина. Зина, держи его за шиворот, мерзавца !

Зина: Ба... Батюшки, вот так пес !

Профессор *(нетерпеливо)*: Скорее, доктор. Хлороформ!

Борменталь: Готово!..

Пса больше не слышно.

Профессор: На стол!

Зина: Можно мне уйти, Филипп Филиппович ?

Профессор: Можешь... Иван Арнольдович, самый важный момент – когда я пойду в турецкое седло. Мгновенно, умоляю вас, подайте отросток и тут же шить. Если там у меня начнет кровить, потеряем время и пса потеряем. Впрочем, для него и так никакого шанса нету... *(короткая пауза)* А знаете, жалко его. Представьте, я привык к нему... *(короткая пауза)* Спит?

Борменталь: Спит.

Профессор: Ну, господа, благослови. Нож.

Свет. Операционная. Стол. Доктора склонились над псом.

Профессор вскрывает ему грудную клетку.

Молчание.

Профессор: Ножницы!

*Борменталь мгновенно вкладывает ножницы ему в руку.
Молчание.*

Профессор: Шейте, доктор, мгновенно кожу.

Борменталь (*вонзая иглу*): 14 минут делали.

*Быстро шьет.
Короткое молчание.*

Профессор: Нож!

*Борменталь мгновенно подает нож.
Профессор режет кожу на голове пса, обнажает череп.
Молчание.*

Профессор: Трепан!

*Борменталь подает ему коловорот.
Профессор высверливает дыры кольцом вокруг черепа пса.
Затем пропиливает его пилой.
Снимает крышку черепа.
Вскрывает ножницами мозговые оболочки.
Борменталь зажимает что-то пинцетом.
Профессор углубляется в мозг, выдвигая из вскрытого черепа полушария.*

Борменталь (*охватив рукой грудь пса*): Пульс резко падает...

*Профессор только зверски оглядывается на него.
И еще глубже врезается в мозг.
Борменталь ломает ампулу, набирает шприц.*

Профессор: Иду к турецкому седлу.

Борменталь (*робко*): В сердце?

Профессор (*злобный рев*): Что вы еще спрашиваете? Все равно уже 5 раз у вас умер. Колите! Разве мыслимо?

Борменталь с размаху всаживает иглу в сердце пса.

Борменталь (*робко*): Живет, но еле-еле.

Профессор: Некогда рассуждать тут – живет не живет! Я в седле. Все равно помрет... ах ты, че... К берегам священных Нила... Придаток давайте.

*Борменталь подает ему склянку с белым комочком.
Профессор одной рукой подхватывает комочек,
Другой орудует ножницами в мозгу пса.
Швыряет вырезанное на тарелку.
Комочек вкладывает в мозг, заматывает нитью.
Моментально убирает мозг обратно в череп.*

Профессор (*уже спокойнее*): Умер, конечно?..

Борменталь: Нитевидный пульс.

Профессор: Еще адреналину.

*Борменталь снова колет пса в сердце.
Профессор оболочками прикрывает мозг,
прикрывает череп отпиленной крышкой.*

Профессор (*почти орет*): Шейте!

*Борменталь, ломая иглу за иглой, стремительно зашивает голову.
Профессор срывает одну перчатку, другую рвет.
Звонит в звонок. Появляется Зина.
Отворачивается, чтобы не видеть окровавленного пса.*

Профессор (*снимая с головы окровавленный колпак*): Папиросу мне сейчас же, Зина. Все свежее белье и ванну. И сразу после - обед...

*Ложится подбородком на край стола,
двумя пальцами раздвигает правое веко пса, заглядывает в глаз.*

Профессор: Вот, черт возьми. Не издох. Ну, все равно издохнет. Эх, доктор Борменталь, жаль пса, ласковый был, хотя и хитрый.

Двадцать третье декабря. Двадцать один час. Обед.

*Зина накрывает на стол.
Профессор готовится к трапезе.
Борменталь ведет запись.*

Борменталь (*в диктофон*): История болезни. Лабораторная собака приблизительно 2-х лет от роду. Самец. Порода – дворняжка. Кличка – Шарик. Шерсть жидкая, кустами, буроватая, с подпалинами. Хвост цвета топленого молока. На правом боку следы совершенно зажившего ожога. питание до поступления к профессору – плохое, после недельного пребывания – крайне

упитанный. Вес 8 кг. (знак восклицат.). Сердце, легкие, желудок, температура... 23 декабря. В 6.30 часов вечера произведена первая в Европе операция по проф. Преображенскому : под хлороформным наркозом удалены яички Шарика и вместо них пересажены мужские яички с придатками и семенными канатиками, взятые от скончавшегося за 4 часа 4 минуты до операции мужчины 28 лет и сохранившиеся в стерилизованной жидкости по проф. Преображенскому.

Непосредственно вслед за сим удален после трепанации черепной крышки придаток мозга – гипофиз и заменен человеческим от вышеуказанного мужчины. Введено 8 кубиков хлороформа, 1 шприц камфары, 2 шприца адреналина в сердце. Показание к операции: постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его влиянии на омоложение организма у людей.

Оперировал проф. Ф.Ф. Преображенский.

Ассистировал д-р И.А. Борменталь.

Профессор (Зине): Сюда их,— Доктор Борменталь, умоляю вас, оставьте медицину в покое. Прием пищи, голубчик, дело серьезное. И если хотите послушаться доброго совета, налейте не английской, а обыкновенной русской водки.

Борменталь (наливая): Новоблагословенная ?

Профессор: Бог с вами, голубчик. Это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку.

Борменталь: Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная – 30 градусов.

Профессор (наставительно): А водка должна быть в 40 градусов, а не в 30, это во-первых, а во-вторых, - Бог их знает чего они туда плеснули. Вы можете сказать – что им придет в голову ?

Борменталь (уверенно): Все что угодно.

Профессор: И я того же мнения. *(забрасывает содержимое рюмки себе в горло)* ...Мм... доктор Борменталь, умоляю вас, мгновенно эту штучку, и если вы скажете, что это... я ваш кровный враг на всю жизнь. От Севильи до Гренады... *(оба жуют)* Это плохо? Плохо? – Вы ответьте, уважаемый доктор.

Борменталь (искренне): Это бесподобно!

Профессор: Еще бы... Заметьте, Иван Арнольдович, холодными закусками и супом закусывают только недорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует закусками горячими. А их горячих московских закусок, - это первая. Когда-то их великолепно приготавливали в «Славянском базаре».

*Даже не дождав, Борменталь смотрит на часы
и, оглянувшись на дверь операционной,
оборачивается к профессору с вопросом.*

Борменталь (робко): Может быть...

Профессор (*спокойным жестом останавливает его; невозмутимо*): Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, а представьте себе – большинство людей вовсе есть не умеют. Нужно не только знать - что съесть, но и когда и как. (*многозначительно потрясает ложкой*) И что при этом говорить. Да-с. Если вы заботитесь о своем пищеварении, мой добрый совет - не говорите за обедом о большевизма и медицине. И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет.

Борменталь: Гм... Да ведь других нет.

Профессор: Вот никаких и не читайте. Вы знаете, я произвел 30 наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете ? Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать «Правду», - теряли в весе.

Борменталь (*уже с искренним интересом*): Гм...

Профессор: Мало этого. Пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит, угнетенное состояние духа.

Борменталь: Вот черт...

Профессор: Да-с. Впрочем, что ж это я? Сам же заговорил о медицине.

Жуют.

*Снова Борменталь не может усидеть на месте,
и снова профессор жестом останавливает его.*

Слышен отдаленный хор.

Профессор звонит. Появляется Зина.

Профессор (*кивая головой в сторону, откуда доносится пение*): Зинуша, что это такое значит?

Зина: Так это ж в третью квартиру жилтоварищей вселили, целые четыре штуки.

Профессор (*в ужасе*): Боже мой! Воображаю, что теперь будет в квартире. Ну и что ж они?

Зина: Да ничего.

Профессор: А Федор Павлович?

Зина: За ширмами поехали и за кирпичом. Перегородки будут ставить.

Профессор: Черт знает что такое !

Зина: Во все квартиры, Филипп Филиппович, будут вселять, кроме вашей. Вот эти... ну, новое товарищество... общее собрание и сделали.

Профессор (*горестно*): Ну, теперь, стало быть, пошло, пропал Калабуховский дом. Придется уезжать, но куда – спрашивается. Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. Крышка Калабухову.

Зина (*улыбаясь*): Убивается Филипп Филиппович.

Профессор: Да ведь как не убиваться?! Ведь это какой дом был – вы поймите!

Борменталь: Вы слишком мрачно смотрите на вещи, Филипп Филиппович. Они теперь резко изменились.

Профессор: Голубчик, вы меня знаете? Не правда ли? Я – человек фактов, человек наблюдения. Я – враг необоснованных гипотез. И это очень хорошо известно не только в России, но и в Европе. Если я что-нибудь говорю, значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот вам факт: вешалка и калошная стойка в нашем доме.

Борменталь: Это интересно...

Профессор: Не угодно ли – калошная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение этого времени до марта 1917 года не было ни одного случая – подчеркиваю красным карандашом н и о д н о г о, чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара. Калош. Заметьте, здесь 12 квартир. у меня прием. В марте 17-го в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, 3 палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование. Голубчик! Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция – не нужно топить. Но я спрашиваю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор еще запирасть под замок? И еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?

Борменталь: Да у него ведь, Филипп Филиппович, и вовсе нет калош.

Профессор (*грозно*): Ничего похожего! (*наливает бокал вина*) Гм... я не признаю ликеров после обеда : они тяжелят и скверно действуют на печень... Ничего подобного! На нем есть теперь калоши, и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Саблин? (*тычет пальцем в потолок*) Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (*указывает вбок.*) Ни в коем случае! Это сделали на лестнице! На какого черта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое, дай бог памяти, тухло в течение 20-ти лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц? Доктор Борменталь, статистика – ужасная вещь. Вам, знакомому с моей последней работой, это известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

Борменталь: Разруха, Филипп Филиппович.

Профессор (*совершенно уверенно*): Нет, нет. Вы первый, дорогой Иван Арнольдович, воздержитесь от употребления самого этого слова. Это – мираж, дым, фикция. Что такое это ваша разруха ? Старуха с клюкой ? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? (*и тут же сам отвечает на свой вопрос*) Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно,

разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат "бей разруху!" – я смеюсь. Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев - прямым своим делом, - разруха исчезнет сама собой. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удастся, доктор, и тем более – людям, которые вообще, отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны!

Борменталь (*шутливо*): Контрреволюционные вещи вы говорите, Филипп Филиппович, не дай бог вас кто-нибудь услышит.

Профессор (*с жаром*): Ничего опасного. Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно не известно - что под ним скрывается? Черт его знает! Так я и говорю: никакой этой самой контрреволюции в моих словах нет. В них здравый смысл и жизненная опытность.

Профессор раздраженно вырывает из-под воротничка хвост салфетки и бросает ее рядом с недопитым бокалом вина.

Борменталь (*тут же поднимаясь из-за стола*): Мерси.

Профессор (*внезапно срываясь с места*): Все! Идем к пациенту. Хоть и помер, поди, бедняга...

24 декабря. Утро. Посетители

Профессор и Борменталь в операционной.

Суеются над псом.

В операционную прокрадывается Зина.

Профессор: Вводите еще камфоры, доктор, вводите!

Зина (*осторожно*): Филипп Филиппович, там к вам...

Профессор: Зина, я же просил вас никого не впускать!

Зина (*виновато*): Да этих разве ж не пустишь... Требуют...

Профессор: Требуют! Мы пса теряем! Требуют... Доктор, умоляю, если пульс снова рухнет, еще камфоры и адреналин в сердце.

*(идет в приемную, видит посетителей,
останавливается от неожиданности.*

Пауза)

Зина: Вот... (*поспешно ретируется*)

Швондер: Мы к вам, профессор, вот по какому делу...

Профессор (*мягко перебивая*): Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду. Во-первых, вы простудитесь, а во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские.

Вяземская: Во-первых, мы не господа.

Профессор: Во-первых, вы мужчина или женщина?

Швондер: Какая разница, товарищ?

Вяземская: Я – женщина.

Профессор: В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, прошу снять ваш головной убор.

Пеструхин (*снимая папаху, резко*): Я вам не милостивый государь.

Швондер: Мы пришли к вам.

Профессор (*перебивая*): Прежде всего – кто это мы ?

Швондер (*в сдержанной ярости*): Мы – новое домоуправление нашего дома. Я – Швондер, она – Вяземская, он – товарищ Пеструхин и Жаровкин. И вот мы...

Профессор (*перебивая*): Это вас вселили в квартиру Федора Павловича Саблина?

Швондер: Нас.

Профессор (*всплеснув руками, в отчаянии*): Боже, пропал Калабуховский дом!

Швондер (*возмущенно*): Что вы, профессор, смеетесь?

Профессор: Какое там смеюсь?! Я в полном отчаянии. Что же теперь будет с паровым отоплением ?

Швондер: Вы издеваетесь, профессор Преображенский?

Профессор: По какому делу вы пришли ко мне? Говорите как можно скорее, меня ждут в операционной.

Швондер (*с ненавистью*): Мы, управление дома, пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома.

Профессор: Кто на ком стоял? Потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

Швондер: Вопрос стоял об уплотнении.

Профессор: Довольно ! Я понял ! Вам известно, что постановлением от 12 сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений ?

Швондер: Известно, но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и в целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах.

Профессор: Я один живу и работаю в семи комнатах, и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Пеструхин: Восьмую ! Э-хе-хе, однако это здорово.

Вяземская: Это неопишимо!

Профессор: У меня приемная – заметьте – она же библиотека, столовая, мой кабинет – 3. Смотровая – 4. Операционная – 5. Моя спальня – 6 и комната прислуги – 7. В общем, не хватает... Да, впрочем, это не важно. Моя квартира свободна, и разговору конец.

Борменталь (*просунувшись в приемную, полушепотом*): Пульс еле прощупывается, похолодание конечностей, зрачки не реагируют.

Профессор: Адреналин. Срочно.(посетителям) Могу я идти?

Жаровкин: Извиняюсь...

Швондер (*перебивая*): Извиняюсь, вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли поговорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых нет ни у кого в Москве.

Вяземская (*звонко*): Даже у Айседоры Дункан!

Швондер: И от смотровой также. Смотровую прекрасно можно соединить с кабинетом.

Профессор: Угу, а где же я должен принимать пищу ?

В спальне, - хором ответили все четверо.

Профессор (*слегка придушенным голосом*): В спальне принимать пищу, в смотровой читать, в приемной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. (*внезапно переходит на крик*) Но я не Айседора Дункан!.. Я буду обедать в столовой, оперировать в операционной! Передайте это общему собранию, и покорнейше вас прошу вернуться к вашим делам, а мне предоставить возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской.

Швондер (*взволнованно*): Тогда, профессор, ввиду вашего упорного противодействия, мы подадим на вас жалобу в вышестоящие инстанции.

Профессор: Ага, так? (*подозрительно вежливо*) Одну минуточку попрошу вас подождать. (*снимает трубку с телефона, говорит в нее*) Пожалуйста... да... благодарю вас... Петра Александровича попросите, пожалуйста. Профессор Преображенский. Петр Александрович ? Очень рад, что вас застал. Благодарю вас, здоров. Петр Александрович, ваша операция отменяется. Что ? Совсем отменяется. Равно как и все остальные операции. Вот почему : я прекращаю работу в Москве и вообще в России. Сейчас ко мне вошли четверо, из них одна женщина, переодетая мужчиной, и двое вооруженных револьверами, и терроризировали меня в квартире с целью отнять часть ее.

Швондер (*меняясь в лице*): Позвольте, профессор...

Профессор (*продолжает телефонный разговор*): Извините... У меня нет возможности повторить все, что они говорили. Я не охотник до бессмыслиц. Достаточно сказать, что они предложили мне отказаться от моей смотровой, другими словами, поставили меня в необходимость оперировать вас там, где я до сих пор резал кроликов. В таких условиях я не только не могу, но и не имею права работать. Поэтому я прекращаю деятельность, закрываю квартиру и уезжаю в Сочи. Ключи могу передать Швондеру. пусть он оперирует.

Четверо замерли. Боятся вздохнуть.

Профессор (*продолжает*): Что же делать... Мне самому очень неприятно... Как? О нет, Петр Александрович! О нет. Больше я так не согласен. Терпение мое лопнуло. Это уже второй случай с августа месяца. Как? Гм... Как угодно. Хотя бы. Но только одно условие: кем угодно, когда угодно, что угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог бы даже подойти к двери моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая! Броня. Чтобы мое имя даже не упоминалось. Кончено. Я для них умер. Да, да. Пожалуйста. Кем? Ага... Ну, это другое дело. Ага... Хорошо. Сейчас передаю трубку. (*Швондеру, змеиным голосом*) Будьте любезны, сейчас с вами будут говорить.

Швондер (*нервно*): Позвольте, профессор, вы извратили наши слова.

Профессор: Попрошу вас не употреблять таких выражений.

Швондер (*растеряно взял трубку*): Я слушаю. Да... Председатель домкома... Мы же действовали по правилам... Так у профессора и так совершенно исключительное положение... Мы знаем об его работах... Целых пять комнат хотели оставить ему... Ну, хорошо... Раз так... Хорошо... (*совершенно красный, вешает трубку; несмело*) Это какой-то позор!

Вяземская (*волнуясь*): Если бы сейчас была дискуссия, - я бы доказала Петру Александровичу...

Профессор (*вежливо*): Виноват, вы не сию минуту хотите открыть эту дискуссию?

Вяземская (*в тихой ярости*): Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем... Только я, как заведующий культотделом дома...

Профессор (*поправляя*): За-ве-ду-ю-ща-я.

Вяземская: ...хочу предложить вам (*достаёт из-за пазухи несколько ярких журналов*) взять несколько журналов в пользу детей Германии. По полтиннику штука.

Профессор (*коротко*): Нет, не возьму.

Все четверо приходят в совершенное изумление.

Вяземская: Почему же вы отказываетесь ?

Профессор: Не хочу.

Вяземская: Вы не сочувствуете детям Германии?

Профессор: Сочувствую.

Вяземская: Жалеете по полтиннику?

Профессор: Нет.

Вяземская: Так почему же?

Профессор: Не хочу.

Молчание.

Вяземская (*тяжело вздохнув*): Знаете ли, профессор, если бы вы не были европейским светилом и за вас не заступались бы самым возмутительным

образом (*Пеструхин дергает ее за край куртки, она отмахивается*) лица, которых, я уверена, мы еще разьясим, вас следовало бы арестовать.

Профессор (*с любопытством*): А за что?

Вяземская (*гордо*): Вы ненавистник пролетариата!

Профессор (*печально*): Да, я не люблю пролетариата. Теперь вы позволите мне идти, господа?

Четверо пропускают профессора в операционную и молча выходят.

Профессор (*Борменталю*): Ну как?

Борменталь: Вроде, стабилизировалось. Пульс 180, дыхание 92, температура 41.

Профессор: Кофеин под кожу. Физраствор в вену. Зина! Папиросу! И если кто по записи – все в порядке. Буду принимать.

29 декабря. Полдень. Прием.

Смотровая.

Профессор за столом. Перед ним – стопка историй болезни.

Входит Борменталь с листом бумаги.

Борменталь (*отдавая профессору листок*): Прежний...

Бесшумно исчезает.

Входит пациент.

Зеленые волосы. Левая нога не гнется. Но - до крайности бодр.

Очень почтительно и смущенно кланяется профессору.

Профессор: Ба-ба, да вас узнать нельзя, голубчик.

Пациент (*сконфуженно*): Хи-хи ! Вы маг и чародей, профессор.

Профессор: Снимайте штаны, голубчик.

Пациент начинает раздеваться.

Профессор: Как сон, голубчик?

Пациент (*конфузливо*): Хе-хе. Мы одни, профессор? Это неопишимо. Пароль доннер – 25 лет ничего подобного. Верите ли, профессор, каждую ночь обнаженные девушки стаями. Я положительно очарован. Вы – кудесник.

Профессор (*всматриваясь в зрачки гостя, озабоченно*): Хм...

Пациент снимает брюки. Остается в кальсонах.

Из кармана брюк выпадает фотография обнаженной красавицы с распущенными волосами.

Пациент подскакивает и поднимает ее конфузливо.

Профессор (*предостерегающе грозя пальцем*): Вы, однако, смотрите, все-таки, смотрите, не злоупотребляйте!

Пациент (*смущенно*): Я не зло... я, дорогой профессор, только в виде опыта.

Профессор (*строго*): Ну и что же? Какие результаты?

Пациент (*махнет рукой в экстазе*): 25 лет, клянусь Богом, профессор, ничего подобного. Последний раз в 1899-м году в Париже на рю де ла Пэ.

Профессор: А почему вы позеленели ?

Пациент (*тут же мрачнеет*): Проклятая Жиркость! Вы не можете себе представить, профессор, что эти бездельники подсунули мне вместо краски. Вы только поглядите. Им морду нужно бить! Что же мне теперь делать, профессор?

Профессор: Хм, обрейтесь наголо.

Пациент (*жалобно*): Профессор, да ведь они опять седые вырастут. Кроме того, мне на службу носа нельзя будет показать, я и так уже третий день не езжу. Эх, профессор, если бы вы открыли способ, чтобы и волосы омолаживать!

Профессор: Не сразу, не сразу, мой дорогой... (*исследует живот пациента*) Ну что ж – прелестно, все в полном порядке. Я даже не ожидал, сказать по правде, такого результата. Много крови, много песен... Одевайтесь, голубчик!

Пациент одевается – быстро и радостно.

Профессор: Две недели можете не показываться, но все-таки прошу вас : будьте осторожны.

Пациент (*уже из-за двери, в экстазе*): Профессор! Будьте совершенно спокойны!

Входит Борменталь с новым листом.

Борменталь (*отдавая листок*): Годы показаны неправильно. Вероятно, 54-55. Тоны сердца глуховаты.

Бесшумно исчезает.

Входит пациентка.

Сильно волнуется.

Профессор (*очень сурово*): Сударыня! Сколько вам лет?

Пациентка (*испуганно*): Я, профессор, клянусь, если бы вы знали, какая у меня драма!..

Профессор (*еще суровее*): Лет вам сколько, сударыня?

Пациентка: Честное слово... Ну, сорок пять...

Профессор (*возопил*): Сударыня, меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста. Вы же не одна !

Пациентка: Я вам одному, как светилу науки. Но клянусь – это такой ужас...

Профессор (*яростно и визгливо*): Сколько вам лет ?

Пациентка (*в ужасе*): Пятьдесят один !

Профессор (*облегченно*): Снимайте штаны, сударыня.

Пациентка (*раздеваясь*): Клянусь, профессор, этот Мориц... Я вам признаюсь как на духу...

Профессор (*рассеянно напевает*): От Севильи до Гренады...

Пациентка (*продолжает верещать, пока профессор занят ее осмотром*): Богом клянусь! Я знаю – это моя последняя страсть. Ведь это такой негодяй! О, профессор! Он карточный шулер, это знает вся Москва. Он не может пропустить ни одной гнусной модистки. Ведь он так дьявольски молод.

*Профессор заканчивает осмотр.
Пациентка смотрит на него с надеждой.*

Профессор (*что-то записывая*): Я вам, сударыня, вставляю яичники обезьяны.

Пациентка: Ах, профессор, неужели обезьяны?

Профессор (*непреклонно*): Да.

Пациентка (*слабым голосом*): Когда же операция?

Профессор: От Севильи до Гренады... Угм... в понедельник. Ляжете в клинику с утра. Мой ассистент подготовит вас.

Пациентка: Ах, я не хочу в клинику. Нельзя ли у вас, профессор?

Профессор: Видите ли, у себя я делаю операции лишь в крайних случаях. Это будет стоить очень дорого – 50 червонцев.

Пациентка: Я согласна, профессор!

Порывисто обнимает профессора.

Борменталь (*стремительно врываясь в смотровую, замирает в секундном замешательстве*) Простите... Но, профессор, такая странная вещь...

Профессор: Что еще?

Борменталь: У него началось выпадение шерсти. На лбу и на боках. И... так интенсивно.

Профессор (*пациентке*): Простите, сударыня.

Борменталь: Весьма необычная реакция...

Профессор (*пациентке*): Значит, в понедельник... Я вас жду.

Уходит с Борменталем в операционную.

Пациентка (*вслед*): И я – в нетерпении. До свидания, профессор, до свидания!

31 декабря. 3 часа по полудню. У него отвалился хвост!

На операционном столе сидит Шарик. Голый.

*Тело изрисовано стрелками и пометками. Остатки шерсти.
Долгая тишина.
Потом – неопределенные сильные звуки. Словно пытается заговорить.
Вдруг поднимает голову вверх
и издает долгий протяжный вой.
И снова тишина.*

Шарик (*мучительно*): **А-быррр...** (*пауза*) **Абыр...** (*пауза*)

Тихо входят профессор и доктор Борменталь.

Шарик: Абыр... Абыр... Абыр... Абыр-валг...

Профессор: Абырвалг...

Шарик: Абырвалг... Абырвалг... Абырвалг!

Борменталь (*очень тихо и очень отчетливо*): Что... это?

Профессор (*почти про себя*): Главрыба...

Борменталь: Что?

Шарик: Абырвалг!

Профессор: Главрыба. Абырвалг – это «главрыба».

Борменталь (*после паузы, как-то механически*): Гениально...

*Профессор осторожно подходит к Шарик.
Заглядывает ему в глаза.*

Шарик (*профессору, совершенно отчетливо*) **А** пошел ты на...

Медленно и неловко профессор заваливается на пол.

Борменталь (*кричит*): Зина! Воды! Нашатырь! Живо!

*Вбегают испуганная Зина со стаканом воды.
Шарик смеется – громко и весело.
Зина падает рядом с профессором.*

Седьмое января. Рождество.

*Шарик катает по квартире операционный стол.
Профессор полулежит в кресле, укутан в плед. Нездоров.
Борменталь спует между одним и другим в крайнем возбуждении.*

Борменталь: Нет, вы подумайте, какой бред: заметка в утренних газетах: «Слухи о марсианине в Обуховом переулке...»

Шарик: Пивная...

Борменталь: «...ни на чем не основаны. Они распущены торговцами с Сухаревки и будут строго наказаны». О каком, к черту, марсианине? Ведь это – кошмар.

Шарик: Пивная... еще парочку!

Борменталь: В «Вечерней» - еще лучше: пишут, что родился ребенок, который играет на скрипке.

Шарик: Извозчик...

Борменталь: Тут же рисунок – скрипка и моя фотографическая карточка, и под ней подпись... простите: «Проф. Преображенский, делавший кесарево сечение у матери».

Шарик: Слезай с подножки...

Борменталь: Это что-то неопишное...

Шарик (глядя на обоих, вдруг плюет на пол): Буржуи!

Профессор (вскочив, взрывается внезапно): Не смей плевать на пол!

Шарик: Отлезь, гнида.

Профессор (поражен, после паузы, оправившись): Если ты еще раз позволишь себе обругать меня или доктора, тебе влетит.

*Шарик смотрит на него угрюмо исподлобья.
Затем тихо отходит.*

Борменталь (пораженный, шепотом): Ура, он понимает!

*Профессор снова садится в свое кресло.
В руках его – какие-то бумаги.*

Профессор (после продолжительной паузы): Да уж... кто мог подумать. Вот вам, доктор, диагноз: перемена гипофиза дает не омоложение, а полное о ч е л о в е ч е н и е! Чудовищная ошибка...

Борменталь: От этого ваше изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше. К чертям омоложение пока что. Другое неизмеримо более важно: ваш изумительный опыт раскрыл одну из тайн человеческого мозга...

Шарик: Лучший подарок детям!..

Борменталь: Отныне загадочная функция гипофиза – мозгового придатка – разъяснена. Он определяет человеческий облик. Его гормоны можно назвать важнейшим в организме – гормонами облика...

Шарик: Вот паскуда...

Борменталь: Новая область открывается в науке: безо всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Профессор Преображенский, вы – творец...

Шарик: Не толкайся, подлец!..

Профессор сердито хмыкает.

Борменталь (*не обращая внимания*): По моему предположению, дело обстоит так: прижившийся гипофиз открыл центр речи в собачьем мозгу, и слова хлынули потоком. По-моему, перед нами оживший развернувшийся мозг, а не мозг вновь созданный. О дивное подтверждение эволюционной теории! О цепь величайшая от пса до Менделеева-химика!..

Шарик: Но-но, не слишком, папаша!..

Борменталь (*не обращая внимания*): Еще моя гипотеза: мозг Шарика в собачьем периоде его жизни накопил бездну понятий. Все слова, которыми он начал оперировать в первую очередь, - уличные слова, он их слышал и затаил в мозгу. Теперь, проходя по улице, я с тайным ужасом смотрю на встречаемых псов. Бог их знает, что у них таится в мозгах...

Шарик: Сукины дети...

Борменталь (*не обращая внимания*): Но главное, главное, представьте, профессор: при таких темпах... в какую высокую психическую личность он может развиваться со временем?!

Профессор (*каким-то почти зловещим тоном*): Вы думаете?

Шарик (*пафосно*): Козлы...

Пауза.

Профессор (*показывая бумаги*): Вы это читали?

Борменталь (*в замешательстве*): Читал... Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет, холост. Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан : в первый раз благодаря недостатку улики, второй раз происхождение спасло, в третий раз – условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия – игра на балалайке по трактирам. Маленького роста, плохо сложен. печень расширена (алкоголь). Причина смерти – удар ножом в сердце в пивной...

Профессор (*перебивая*): Вот-вот- вот... Как же не догадался я осмотреть в патологоанатомическом весь труп Чугункина... (*и снова погружается в историю болезни*)

Борменталь: Да в чем же дело, Филипп Филиппович? Не все ли равно, чей гипофиз?

Профессор молчит.

Шарик (*весело и громко*): В очередь, сукины дети, в очередь!

В наступившей тишине входят Швондер и другие.

Долго смотрят на Шарика.

Шарик долго смотрит на них.

Похоже на взаимное приноживание.

Шарик (первым после долгого молчания): Дай папиросочку, - у тебя брюки в полосочку.

Все четверо машинально протягивают ему папиросы.

Девятнадцатое января. Вечер. Блохи.

. Профессор в кабинете. Читает заметку.

Профессор: «Никаких сомнений в том, что это его незаконнорожденный (как выражались в гнилом буржуазном обществе) сын. Вот как развлекается наша псевдонаучная буржуазия! Семь комнат каждый умеет занимать до тех пор, пока блистающий меч правосудия не сверкнул над ним красным лучом. Подпись: Швондер...» Тьфу ты...

*За стеной очень настойчиво играют на балалайке
хитрые вариации «Светит месяц».*

Профессор (напевает машинально сквозь зубы): Св-е-тит месяц... све-е-етит месяц... све-тит месяц... Тьфу, прицепилась, вот окаянная мелодия!

*Звонит.
Появляется Зина.*

Профессор: Скажите ему, что 5 часов, чтоб прекратил, и позови его сюда, пожалуйста...

Зина исчезает.

Профессор: Све-е-етит месяц... све-тит месяц... Вот дьявол!..

*Балалайка умолкает.
Появляется Шариков.
Пиджак усеян соломой. Ядовито-небесного цвета галстук.
Лаковые штиблеты с белыми гетрами.
В зубах – папироса.
Молчание.*

Профессор: Я, кажется, уже два раза просил не спать на полатах в кухне – тем более днем?

Шариков (сипло кашлянув): Воздух в кухне приятнее.

Профессор (покачивая головой): Откуда взялась эта гадость? Я говорю о галстукке.

*Шариков, глазами следуя пальцу профессора,
скашивает их на галстук.
Любовно разглаживает его.*

Шариков: Чем же «гадость»? Шикарный галстук. Дарья Петровна подарила.

Профессор: Дарья Петровна вам мерзость подарила, вроде этих ботинок. Что это за сияющая чепуха? Откуда? Я что просил? Купить прилич-ные ботинки; а это что? Неужели доктор Борменталь такие выбрал?

Шариков: Я ему велел, чтобы лаковые. Что я, хуже людей? Пойдите на Кузнецкий – все в лаковых.

Профессор (*снова покачав головой; веско*): Спать на полатах прекращается. Понятно? Что это за нахальство! Ведь вы мешаете. Там женщины.

Шариков (*обиженно*): Ну уж и женщины. Подумаешь. Барыни какие. Обыкновенная прислуга, а форсу, как у комиссарши. Это все Зинка ябедничает.

Профессор (*строго*): Не смей называть Зину Зинкой! Понятно?

Молчание.

Профессор: Понятно, я вас спрашиваю?

Шариков: Понятно.

Профессор: Убрать эту пакость с шеи. Вы... ты... вы посмотрите на себя в зеркало – на что вы похожи. Балаган какой-то. Окурки на пол не бросать – в сотый раз прошу. Чтобы я более не слышал ни одного ругательного слова в квартире! Не плевать! Вот плевательница. С писсуаром обращаться аккуратно. С Зиной всякие разговоры прекратить. Она жалуется, что вы в темноте ее подкарауливаете. Смотрите! Кто ответил пациенту «пес его знает!»? Что вы, в самом деле – в кабаке, что ли?

Шариков (*плаксиво*): Что-то вы меня, папаша, больно утесняете..

Профессор (*гневно*): Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Шариков (*неожиданно дерзко*): Да что вы все... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даете?! И насчет «папаши» – это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать? (почти лает) Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал. А равно... (заводит глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу) ...а равно и мои родные. Я иск, может, имею право предъявить.

Профессор роняет сигару.

Профессор (*прищурившись*): Вы изволите быть недовольным, что вас превратили в человека? Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам? Мерзнуть в подворотнях? Ну, если бы я знал...

Шариков: Да что вы все попрекаете – помойка, помойка. Я свой кусок хлеба добывал. А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ!

Профессор (*раздраженно*): Филипп Филиппович! Я вам не товарищ! Это чудовищно!

Шариков (*победоносно отставив ногу, иронически*): Уж конечно, как же... мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными не жили. Только теперь пора бы это оставить. В настоящее время каждый имеет свое право...

*Демонстративно идет к пепельнице,
долго мнет в ней изжеванный окурок.
Внезапно, лязгнув зубами, сует нос под мышку.*

Профессор (*яростно*): Пальцами блох ловить! Пальцами! И я не понимаю – откуда вы их берете?

Шариков (*обиженно*): Да что уж, развожу я их, что ли? Видно, блохи меня любят.

*Пошарив в подкладке под рукавом, выпускает в воздух клоч шерсти.
Медленно, с удовольствием казнит блоху.*

Профессор (*не вынеся этого зрелища*): Какое дело еще вы мне хотели сообщить?

Шариков: Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо.

Профессора передергивает нервная дрожь.

Профессор (*неуверенно*): Хм... Черт! Документ! Действительно... Кхм... а может быть, это как-нибудь можно...

Шариков (*уверенно*): Помилуйте, как же так без документа? Это уж – извиняюсь. Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать. Во-первых, домком...

Профессор: При чем тут домком?

Шариков: Как это при чем? Встречают, спрашивают – когда ж ты, говорят, многоуважаемый, пропишешься?

Профессор (*уныло*): Ах ты, Господи, встречаются, спрашивают... Воображаю, что вы им говорите. Ведь я же вам запрещал шляться по лестницам.

Шариков (*с сознанием собственной правоты*): Что я, каторжный? Как это так «шляться»? Довольно обидные ваши слова. Я хожу, как все люди.

Профессор (*поспокойнее*): Отлично-с, дело не в словах. Итак, что говорит этот ваш прелестный домком?

Шариков: Что ж ему говорить... Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает.

Профессор: Чьи интересы, позвольте осведомиться?

Шариков: Известно чьи – трудового элемента.

Филипп Филиппович выкатил глаза.

Профессор (в изумлении): Почему же вы – труженик?

Шариков: Да уж известно – не нэпман.

Профессор: Ну, ладно. Итак, что же ему нужно в защитах вашего революционного интереса?

Шариков: Известно что – прописать меня. Они говорят – где ж это видно, чтоб человек проживал непрописанный в Москве. Это – раз. А самое главное – учетная карточка. Я дезертиром быть не желаю. Опять же – союз, биржа....

Профессор: Позвольте узнать, по чему я вас пропишу? – По этой скатерти или по своему паспорту? Ведь нужно все-таки считаться с положением! Не забывайте, что вы... Э... гм.... вы, ведь, так сказать, - неожиданно явившееся существо, лабораторное. (*говорит все менее уверенно*)

Шариков победоносно молчит.

Профессор: Отлично-с. Что же, в конце концов, нужно, чтобы вас прописать и вообще устроить все по плану этого вашего домкома? Ведь у вас же нет ни имени, ни фамилии.

Шариков: Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газетах, и шабаш.

Профессор: Как же вам угодно именоваться ?

Человек поправил галстук и ответил:

Шариков (поправив галстук): Полиграф Полиграфович.

Пауза.

Профессор (хмуро): Не валяйте дурака, я с вами серьезно говорю.

. Язвительная усмешка искривила усишки человека.

Шариков (язвительная усмешка): Что-то не пойму я. Мне по матушке нельзя. Плевать – нельзя. А от вас только и слышу: «Дурак, дурак». Видно, только профессорам разрешается ругаться в Ресефесере

Профессор (преувеличенно вежливо): Из-вините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно знать, откопали себе такое?

Шариков: Домком посоветовал. По календарю искали – какое тебе, говорит? Я и выбрал.

Профессор: Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

Шариков (усмехнувшись): Довольно удивительно, когда у вас в смотровой висит.

Профессор звонит.

Появляется Зина.

Профессор (Зине): Календарь из смотровой.

Пауза.

Зина возвращается с календарем.

Профессор (забирая календарь): Где?

Шариков: 4-го марта празднуется.

Профессор: Покажите... Гм... Черт... В печку его, Зина, сейчас же.

*Испуганная Зина уносит календарь.
Шариков укоризненно качает головой.*

Профессор: Фамилию позвольте узнать?

Шариков: Фамилию я согласен наследственную принять.

Профессор: Как? Наследственную? Именно?

Шариков: Шариков.

На следующий день. Утро. Документ.

Кабинет.

Профессор за столом.

Перед ним стоит Швондер.

Борменталь - в кресле.

В углу – Шариков.

Профессор (нетерпеливо): Как же писать?

Швондер: Что же, дело не сложное. Пишите удостоверение. господин профессор. Что, так, мол, и так, предьявитель сего действительно Шариков Полиграф Полиграфович, гм... зародившийся в вашей, мол, квартире.

Борменталь недоуменно шевельнулся в кресле. Филипп Филиппович дернул усом.

Профессор Гм... вот черт! Глупее ничего себе и представить нельзя. Ничего он не зародился. а просто... ну, одним словом....

Швондер (со спокойным злорадством): Это – ваше дело, зародился или нет... В общем и целом ведь вы делали опыт, профессор! Вы и создали гражданина Шарикова.

Шариков: И очень просто.

Профессор (огрызаясь): Я бы очень просил вас, не вмешиваться в разговор. Вы напрасно говорите «и очень просто» - это очень не просто.

Шариков (обидчиво): Как же мне не вмешиваться.

Швондер: Простите, профессор, гражданин Шариков совершенно прав. Это его право – участвовать в обсуждении его собственной участи, в особенности постольку, поскольку дело касается документов. Документ – самая важная вещь на свете.

Профессор (*в яростном нетерпении*): Одним словом, кончим это.

*Вырывает листок из блокнота.
Решительно пишет.*

Профессор (*раздраженно читает написанное*): «Сим удостоверяю...» Черт знает что такое... Гм... «Предъявитель сего – человек, полученный при лабораторном опыте путем операции на головном мозгу, нуждается в документах»... Черт! Да я вообще против получения этих idiotских документов. Подпись – «профессор Преображенский».

Швондер (*обидевшись*): Довольно странно, профессор, как это так вы документы называете idiotскими? Я не могу допустить пребывания в доме бездокументного жильца, да еще не взятого на воинский учет милицией. А вдруг война с империалистическими хищниками?

Шариков (*вдруг хмуро твякает*): Я воевать не пойду никуда!

Швондер (*оторопел, но оправившись; учтиво*): Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени несознательно. На воинский учет необходимо взяться.

Шариков (*неприятно*): На учет возьмусь, а воевать – шиш с маслом. Я тяжело раненый при операции, меня, вишь, как отделали. (*показывает на голову*)

Швондер: Вы анархист-индивидуалист?

Шариков: Мне белый билет полагается.

Швондер (*удивлен*): Ну, хорошо, не важно пока, факт в том, что мы удостоверение профессора отправим в милицию, и вам выдадут документ.

Профессор (*внезапно перебил*): Вот что, э... нет ли у вас в доме свободной комнаты? Я согласен ее купить.

Швондер (*с плохо скрываемым торжеством*): Нет, профессор, к величайшему сожалению. И не предвидится.

Кланяется, уходит.

Шариков следует за ним.

Профессор и Борменталь остаются.

Молчание.

Профессор (*трясет головой, пытаясь избавиться от чего-то мучительного*): Это кошмар, честное слово. Вы видите? Клянусь вам, дорогой доктор, я

измучился за эти две недели больше, чем за последние 14 лет! Вот – тип, я вам доложу...

Звон бьющегося стекла.

Женский визг. Грохот.

Вой Шарикова.

Профессор (*кричит, бросаясь к дверям*): Боже мой, еще что-то!

Борменталь (*устремляясь вслед за ним*): Кот!

Из кухни выскакивает Зина.

Вплотную насакивает на профессора.

Профессор (*в бешенстве*): Сколько раз я приказывал – котов чтобы не было. Где он?! Иван Арнольдович, успокойте, ради Бога, пациентов в приемной!

Зина (*задыхаясь*): В ванной, в ванной проклятый черт сидит!

Рев воды.

Профессор наваливается на дверь ванной, но та не поддается.

Профессор: Открыть сию секунду!

Шариков (*глухо ревет диким голосом*): Убью на месте...

Профессор (*в отчаянии*): Иван Арнольдович, убедительно прошу... гм... сколько там пациентов?

Борменталь (*появляясь из приемной*): Одиннадцать.

Профессор: Отпустите всех, сегодня принимать не буду.

Борменталь исчезает.

Профессор стучит костяшкой пальца в дверь.

Профессор: Сию минуту извольте выйти! Зачем вы заперлись?

Шариков (*жалобно и тускло*): Гу-гу!

Профессор: Какого черта!.. Не слышу, закройте воду!

Шариков: Гау! Гау!..

Профессор (*в испуге*): Да закройте воду! Что он сделал – не понимаю... (*молотит в дверь что есть сил*) Вы с ума сошли? Почему вы не выходите?

Шариков (*в тоске и страхе*): Защелкнулся я.

Профессор (*орет*): Откройте замок. Что ж, вы никогда замка не видели?

Шариков (*орет*): Да не открывается, окаянный!

Зина (*всплеснув руками, орет*): Батюшки! Он предохранитель защелкнул!

Профессор (*орет*): Там пуговка есть такая! Нажмите ее книзу... Вниз нажимайте! Вниз!

Шариков (*в ужасе, орет*): Ни пса не видно!

Профессор (*орет*): Да лампу зажгите! Он взбесился!

Шариков (*орет*): Котяра проклятый лампу раскокал, а я стал его, подлеца, за ноги хватать, кран вывернул, а теперь найти не могу.

В окне ванной появляется швейцар Федор.

Федор: Филипп Филиппович, все равно надо открывать, пусть разойдется, отсосем из кухни.

Профессор (*сердито*): Открывайте!

Дверь открывается.

Волна воды.

По щиколотку в воде выходит Федор, почему-то улыбаясь.

Федор: Еле заткнул, напор большой.

Профессор: Где этот?

Федор (*глупо усмехаясь*): Боится выходить.

Шариков (*из ванной, плаксивым голосом*): Бить будете, папаша?

Профессор (*коротко*): Болван!

Зина, Дарья Петровна, Федор и Шариков

тряпками собирают воду.

Борменталь воюет в приемной.

Борменталь (*из приемной*): Не будет сегодня приема, профессор нездоров. Будьте добры отойти от двери, у нас труба лопнула...

Голос (*из приемной*): А когда же прием? Мне бы только на минуточку....

Борменталь (*из приемной*): Не могу, профессор лежит, и труба лопнула. Завтра прошу. Зина! Милая! Отсюда вытирайте, а то она на парадную лестницу выльется.

Зина: Тряпки не берут.

Федор: Сейчас кружками вычерпаем, сейчас.

Голос (*из приемной*): Когда же операция?

Борменталь (*из приемной*): Труба лопнула...

Голос (*из приемной*): Я бы в калошах прошел...

Борменталь (*из приемной*): Нельзя, прошу завтра.

Голос (*из приемной*): А я записан.

Борменталь (*из приемной*): Завтра. Катастрофа с водопроводом.

Дарья Петровна (*сердито*): Что ж ты, леший, по всей квартире гоняешь? Выливай в раковину.

Шариков (*ловя руками мутную воду*): Да что в раковину, она на парадное вылезет.

Профессор (*Борменталю*): Иван Арнольдович, бросьте вы отвечать. Идите в спальню, я вам туфли дам.

Борменталь (*из приемной*): Ничего, Филипп Филиппович, какие пустяки.

Профессор: В калоши станьте.

Борменталь (*из приемной*): Да ничего. Все равно уже ноги мокрые.

Профессор (*расстроено*): Ах, боже мой!

Шариков (*внезапно*): До чего вредное животное!

Вошедший Борменталь, не удержавшись, хохочет.

Профессор (*сдерживая бешенство*): Вы про кого говорите? Позвольте узнать.

Шариков: Про кота я говорю. Такая сволочь.

Профессор (*переводя дух*): Знаете, Шариков, я положительно не видал более наглого существа, чем вы.

Борменталь хихикает.

Профессор (*продолжая*): Вы просто нахал. Как вы смеее это говорить? Вы все это учинили и еще позволяете... Да нет! Это черт знает что такое!

Борменталь (*подхватывая*): Шариков, скажите мне, пожалуйста, сколько времени еще вы будете гоняться за котами? Стыдитесь! Ведь это безобразие! Дикарь!

Шариков (хмуро): Какой я дикарь, ничего я не дикарь. Его терпеть в квартире невозможно. Только и ищет – как бы что своровать. Фарш слопал у Дарьи. Я его поучить хотел.

Профессор: Вас бы самого поучить! Вы поглядите на свою физиономию в зеркале.

Шариков (*трогая глаз грязной рукой, мрачно*): Чуть глаза не лишил.

Конец января. Вечер. Трапеза.

Борменталь (*настойчиво*): Нет, нет и нет! Извольте заложить.

Шариков (*недовольно*): Ну что, ей-богу...

Профессор: Благодарю вас, доктор, а то мне уже надоело делать замечания.

Борменталь: Все равно не позволю есть, пока не заложите. Зина, примите майонез у Шарикова.

Шариков: Как этот так «примите»? Я сейчас заложу.

*Левой рукой заслоняет блюдо от Зины,
правой запихивает салфетку за воротник.*

Борменталь: И вилкой, пожалуйста.

*Шариков длинно вздыхает
и принимается ловить куски осетрины в густом соусе.*

Шариков: Я еще водочки выпью?

Борменталь: А не будет ли вам? Вы последнее время слишком налегаете на водку.

Шариков (*глянув исподлобья*): Вам жалко?

Профессор (*сурово*): Глупости говорите...

Борменталь (*перебивая*): Не беспокойтесь, Филипп Филиппович, я сам. Вы, Шариков, чепуху говорите, и возмутительнее всего то, что говорите ее безапелляционно и уверенно. Водки мне, конечно, не жаль, тем более что она и не моя, а Филиппа Филипповича. Просто – это вредно. Это – раз, а второе – вы и без водки держите себя неприлично.

Профессор: Зинуша, дайте мне, пожалуйста, еще рыбы.

*Шариков тем временем тянется к графинчику
и, покосившись на Борменталья, наливает рюмочку.*

Борменталь: И другим надо предложить. И так: сперва Филиппу Филипповичу, затем мне, а в заключение себе.

Шариковский рот трогает едва заметная сатирическая улыбка.

Шариков (*разливая водку по рюмкам*): Вот все у вас, как на параде: салфетку – туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста - мерси», а так, чтобы по-настоящему, - это нет. Мучаете сами себя, как при царском режиме.

Профессор: А как это «по-настоящему»? – позвольте осведомиться.

Шариков на это ничего не ответил Филиппу Филипповичу, а поднял рюмку и произнес.

Шариков (*ничего не ответив, поднимает рюмку*): Ну, желаю, чтобы все...

Борменталь (*с некоторой иронией*): И вам также.

*Шариков вплескивает содержимое рюмки себе в глотку.
Занюхивает кусочком хлеба.*

Профессор (*отрывисто и как бы в забытьи*): Стаж...

Борменталь (*удивленно*): Виноват...

Профессор: Стаж. Тут уж ничего не поделаешь – Клим.

Борменталь (*остро взглядываясь в глаза профессора*): Вы полагаете, Филипп Филиппович?

Профессор: Нечего полагать, уверен в этом.

Борменталь: Неужели... (*покосившись на Шарикова, останавливается*)

Зина вносит индейку.

Борменталь наливает профессору красного вина.

Предлагает Шарикову.

Шариков: Я не хочу. Я лучше водочки выпью.

Профессор (*потягивая вино*): Ну, что же мы с вами предпримем сегодня вечером?

Шариков: В цирк пойдем. лучше всего.

Профессор (*благодушно*): Каждый день в цирк, это довольно скучно, по моему. Я бы на вашем месте хоть раз в театр ходил.

Шариков (*неприятно*): В театр я не пойду. (*икает, крестит рот*)

Борменталь (*машинально*): Икание за столом отбивает у других аппетит. Вы меня извините... Почему, собственно, вам не нравится театр?

Шариков смотрит в пустую рюмку, как в бинокль.

Размышляет.

Шариков (*подумав*): Да дурака валяние.... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна.

*Профессор, откинувшись на спинку кресла,
неудержимо хохочет.*

Борменталь: Вы бы почитали что-нибудь, а то, знаете, ли...

Шариков: Уж и так читаю, читаю...

Вдруг хищно и быстро наливает себе полстакана водки.

Профессор (*тревожно*): Зина, уберите. детка, водку. Больше уж не нужна. (*Шарикову*) Что же вы читаете?

Шариков: Эту... Как ее... переписку Энгельса с этим... как его – дьявола – с Каутским.

Борменталь останавливается на полдороге

вилку с куском белого мяса.

Профессор едва не проливает вино.

Шариков, наловчившись, проглатывает водку.

Профессор (*вглядываясь в Шарикова*): Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков (*пожимая плечами*): Да не согласен я.

Профессор: С кем? С Энгельсом или с Каутским?

Шариков: С обоими, - ответил Шариков.

Профессор: Это замечательно, клянусь Богом. Всех, кто скажет, что другая... А что бы вы со своей стороны могли предложить?

Шариков: Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все да и поделить...

Профессор (*шлепнув ладонью по скатерти*): Так я и думал, именно так и полагал.

Борменталь (*заинтересованно*): Вы и способ знаете?

Шариков: Да какой тут способ, - становясь словоохотливым после водки, объяснил Шариков, - дело не хитрое. А то что ж: один в семи комнатах расселился, штанов у него 40 пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет.

Профессор (*горделиво прищурившись*): Насчет семи комнат – это вы, конечно, на меня намекаете?

Шариков, съевшись, молчит.

Профессор: Что же, хорошо, я не против дележа. Доктор, скольким вы вчера отказали?

Борменталь: 39-ти человекам.

Профессор: Гм... 390 рублей. Ну, грех на трех мужчин. Дам – Зину и Дарью Петровну – считать не станем. С вас, Шариков, 130 рублей. Потрудитесь внести.

Шариков (*испугавшись*): Хорошенькое дело, это за что такое?

Профессор (*вдруг выходя из состояния иронического спокойствия*): За кран и за кота!

Борменталь (*тревожно*): Филипп Филиппович...

Профессор: Погодите. За безобразие, которое вы учинили и благодаря которому сорвали прием. Это же нестерпимо. Человек, как первобытный, прыгает по всей квартире, рвет краны. Кто убил кошку у мадам Поласухер? Кто...

Борменталь (*подлетает*): Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице.

Профессор (*рычит*): Вы стоите...

Шариков (*визжит*): Да она меня по морде хлопнула! У меня не казенная морда!

Борменталь (*опрокинув бокал, кричит*): Потому что вы ее за грудь ущипнули. Вы стоите...

Профессор (*перекрикивая*): Вы стоите на самой низшей ступени развития. Вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить... а в то же время вы наглотались зубного порошку...

Борменталь: Третьего дня.

Профессор: Ну вот-с, зарубите себе на носу, что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества. Кстати, какой негодяй снабдил вас этой книжкой?

Шариков (*испуганно*): Все у вас негодяи...

Профессор (*гневно*): Я догадываюсь.

Шариков: Ну, что же. Ну, Швондер дал. Он не негодяй... Чтоб я развивался...

Профессор (*визгливо*): Я вижу, как вы развиваетесь после Каутского! Сегодняшний случай показывает это как нельзя лучше. Зина!

Борменталь (*орет*): Зина!

Шариков (*орет*): Зина!

Зина прибегает бледная.

Профессор: Зина, там в приемной... (*Шарикову*) Она в приемной?

Шариков (*покорно*): В приемной, зеленая, как купорос.

Профессор: Зеленая книжка...

Шариков (*отчаянно*): Ну, сейчас палить! Она казенная, из библиотеки!

Профессор: Переписка – называется, как его... Энгельса с этим чертом... В печку ее!

Зина улетает.

Профессор: Я бы этого Швондера повесил, честное слово, на первом суку, - воскликнул Филипп Филиппович, яростно впиваясь в крыло индюшки, - сидит изумительная дрянь в доме – как нарыв. Мало того, что он пишет всякие бессмысленные пасквили в газетах...

В молчании заканчивается обед.

Шариков курит.

Профессор: Доктор, прошу вас, съездите с ним в цирк. Только ради бога, посмотрите в программе – котов нету?

Борменталь открывает газету.

Шариков (хмуро): И как такую сволочь в цирк пускают.

Профессор (двусмысленно): Ну, мало ли кого туда допускают... (Борменталю) Что там у них?

Борменталь: Слоны и предел человеческой ловкости.

Профессор: Так-с. (недоверчиво) Что вы скажете относительно слонов, дорогой Шариков?

Шариков (обиженно): Что же, я не понимаю, что ли? Кот – другое дело. Слоны – животные полезные.

Профессор: Ну-с, и отлично. Раз полезные, поезжайте и поглядите на них. Ивана Арнольдовича слушаться надо. И ни в какие разговоры там не пускаться в буфете! Иван Арнольдович, покорнейше прошу пива Шарикову не предлагать.

Чуть позже. Профессор один.

Профессор в кабинете.

Сигара.

Зажегает лампу под тяжелым зеленым колпаком, меряет комнату шагами.

Профессор (напевает сквозь зубы): К брегам священным Нила...

*Откладывает сигару в пепельницу,
подходит к шкафу, вынимает узкую банку.
Нахмурившись, рассматривает ее на свет огня.
В прозрачной и тяжелой жидкости
плавает малый беленький комочек,
извлеченный из недр Шарикова мозга.
Долгая пауза.*

Затем профессор убирает банку и обрушивается на диван.

Профессор (глядя куда-то в потолок, в глубоком отчаянии): Ей-богу, я, кажется, решусь.

Ночь. Военный совет.

Кабинет.

Профессор и Борменталь.

Коньяк и сигары.

Борменталь (*прочувственно*): Филипп Филиппович, я никогда не забуду, как я полуголодным студентом явился к вам, и вы приютили меня при кафедре. Поверьте, Филипп Филиппович, вы для меня гораздо больше, чем профессор, учитель... Мое безмерное уважение к вам... Позвольте вас поцеловать, дорогой Филипп Филиппович.

Профессор (*растерянно*): Да, голубчик мой...

*Поднимается навстречу.
Борменталь его обнимает и целует.*

Борменталь: Ей-богу, Филипп Фили...

Профессор: Так растрогали, так растрогали... Спасибо вам. Голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности, ведь я так одинок... От Севильи до Гренады...

Борменталь (*искренне*): Филипп Филиппович, не стыдно ли вам?.. Если вы не хотите меня обижать, не говорите мне больше таким образом...

Профессор: Ну, спасибо вам... К берегам священных Нила... Спасибо.... И я вас полюбил как способного врача.

Борменталь (*страстно*): Филипп Филиппович, я вам говорю!.. (*срывается с места, плотнее прикрывает дверь и, вернувшись, продолжает шепотом*) Ведь это – единственный исход. Я не смею вам, конечно, давать советы, но, Филипп Филиппович, посмотрите на себя, вы совершенно замучились, ведь так нельзя же больше работать!

Профессор (*вздыхнув*): Абсолютно невозможно.

Борменталь (*шепотом*): Ну вот, это же невысказано. В прошлый раз вы говорили, что боитесь за меня, и если бы вы знали, дорогой профессор, как вы меня этим тронули. Но ведь я же не мальчик и сам соображаю, насколько это может получиться ужасная штука. Но, по моему глубокому убеждению, другого выхода нет.

Профессор (*вскочив и замахав на него руками*): И не соблазняйте, даже и не говорите. (*ходит по комнате*) И слушать не буду. Понимаете, что получится, если нас накроют. Нам ведь с вами на «принимая во внимание происхождение» - отъехать не придется. Ведь у вас нет подходящего происхождения, мой дорогой?

Борменталь (*допивая коньяк; горестно*): Какой там черт! Отец был судебным следователем в Вильно.

Профессор: Ну вот-с, не угодно ли. Ведь это же дурная наследственность. Пакостнее и представить себе ничего нельзя. Впрочем. виноват, у меня еще хуже. Отец – кафедральный протоиерей. Мерси. От Севильи до Гренады... в тихом сумраке ночей... вот, черт ее возьми.

Борменталь: Филипп Филиппович, вы – величина мирового значения, и из-за какого-то, извините за выражение, сукина сына... Да разве они могут вас тронуть, помилуйте!

Профессор (*задумчиво*): Тем более не пойду на это, - задумчиво возразил Филипп Филиппович, останавливаясь и озираясь на стеклянный шкаф.

Борменталь: Да почему?

Профессор: Потому, что вы-то ведь не величина мирового значения.

Борменталь: Где уж...

Профессор: Ну вот-с. А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... Я – московский студент, а не Шариков. (*горделиво поднимает плечи*)

Борменталь (*засучивая рукава*): Тогда вот что, дорогой учитель. если вы не желаете, я сам на свой риск накормлю его мышьяком. Черт с ним, что папа судебный следователь. Ведь в конце концов – это ваше собственное экспериментальное существо.

Профессор: Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне 60 лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками.

Начало февраля. 16 квадратных аршин.

Приемная.

Товарищ Вяземская торжественно вручает Шарикову документ.

Шариков (*размахивая документом*): Борменталь!

Борменталь (*появляясь в приемной*): Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте!

Шариков (*совершенно основательно*): Ну и меня называйте по имени и отчеству!

Профессор (*в дверях, гремит*): Нет! По такому имени и отчеству в моей квартире я вас не разрешу называть. Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно «Шариков», и я, и доктор Борменталь будем называть вас «господин Шариков».

Шариков: Я не господин, господа все в Париже!

Профессор (*кричит*): Швондерова работа! Ну ладно, посчитаюсь я с этим негодяем. Не будет никого, кроме господ, в моей квартире, пока я в ней нахожусь! В противном случае или я, или вы уйдете отсюда и, вернее всего, вы. Сегодня я помещу в газетах объявление, и, поверьте, я вам найду комнату.

Шариков (*очень четко*): Ну да, такой я дурак, чтобы и съехать отсюда, - очень четко ответил Шариков.

Профессор (*нехорошим тоном*): Как?

Борменталь подлетает к нему и нежно и тревожно берет его за рукав.

Борменталь (*очень повысив голос*): Вы знаете, не нахальничайте, мосье Шариков!

*Шариков отступает,
вытаскивает из кармана три бумаги:*

зеленую, желтую и белую.

Шариков (*тыча пальцем в бумагу*): Вот. Член жилищного товарищества, и площадь мне полагается определенно в квартире № 5 у ответственного съемщика Преображенского в 16 квадратных аршин, - благоволите.

Профессор (*закусив губу*): Клянусь, я этого Швондера в конце концов застрелю.

Шариков в высшей степени внимательно и остро принимает эти слова.

Борменталь (*предостерегающе*): Филипп Филиппович, осторожно.

Профессор (*Борменталю*): Ну уж, знаете... Если уж такую подлость!.. (*Шарикову*) Имейте в виду, Шариков... господин, что я, если вы позволите себе еще одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме. 16 аршин – это прелестно, но ведь я вас не обязан кормить по этой лягушачьей бумаге!

Шариков (*испугавшись*): Я без пропитания оставаться не могу, где же я буду харчеваться?

Профессор и Борменталь (*в один голос*): Тогда ведите себя прилично!

Ночь. Военный совет.

Кабинет.

Профессор и Борменталь.

Коньяк и сигары.

Борменталь (*горестно*): Филипп Филиппович, эх... значит, что же? Теперь вы будете ждать, пока удастся из этого хулигана сделать человека?

Филипп Филиппович жестом руки останавливает его, наливает себе коньяку, отхлебывает.

Профессор: Иван Арнольдович, как по-вашему, я понимаю что-либо в анатомии и физиологии ну, скажем. человеческого мозгового аппарата? Как ваше мнение?

Борменталь (с большим чувством): Филипп Филиппович, что вы спрашиваете?

Профессор: Ну, хорошо. Без ложной скромности. Я тоже полагаю, что в этом я не самый последний человек в Москве.

Борменталь (яростно перебивая): А я полагаю, что вы – первый не только в Москве, а и в Лондоне и в Оксфорде!

Профессор: Ну, ладно. пусть будет так. Ну так вот-с, будущий профессор Борменталь: это никому не удастся. Кончено. Можете и не спрашивать. Так и сошлитесь на меня, скажите: Преображенский сказал. Finita. (торжественно) Клим! Клим. Вот что, Борменталь, вы первый ученик моей школы и, кроме того, мой друг, как я убедился сегодня. Так вот вам, как другу, сообщу по секрету, - конечно, я знаю, вы не станете срамить меня – старый осел Преображенский нарвался на этой операции как третьекурсник. Правда, открытие получилось, вы сами знаете – какое, - тут Филипп Филиппович горестно указал обеими руками на оконную штору, очевидно, намекая на Москву, - но только имейте в виду, Иван Арнольдович, что единственным результатом этого открытия будет то, что все мы теперь будем иметь этого Шарикова вот где – здесь, - Преображенский похлопал себя по крутой и склонной к параличу шее, - будьте спокойны! Если бы кто-нибудь разложил меня здесь и выпорол, - я бы, клянусь, заплатил бы червонцев пять! От Севильи до Гренады... Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривая придатки из мозгов... Вы знаете, какую я работу проделал – уму непостижимо. И вот теперь спрашивается – зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

Борменталь: Исключительное что-то!

Профессор: Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается. когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей.

Борменталь: Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

Профессор (яростно): Да! Да! Если только злосчастная собака не помрет у меня под ножом, а вы видели – какого сорта эта операция. Одним словом, я, Филипп Преображенский, ничего труднее не делал в своей жизни. Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола? – спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого! Доктор, человечество само заботиться об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. Теперь вам понятно, доктор, почему я опорочил ваш вывод в истории шариковской болезни. Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да не спорьте, Иван Арнольдович, я ведь уж понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. теоретически это интересно. Ну, ладно! Физиологи

будут в восторге. Москва беснуется... Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? – Преображенский указал пальцем в сторону смотровой. где почивал Шариков.

Борменталь: Исключительный прохвост.

Профессор (*кричит*): Но кто он? Клим, Клим, Клим Чугункин (*Борменталь открывает рот*) – вот что-с: две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали – хам и свинья... Ну, эту палку я найду. Одним словом, гипофиз – закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! От Севильи до Гренады... а не общечеловеческое. Это – в миниатюре – сам мозг. И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался. Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый.

Борменталь (*глота коньяк*): Вы великий ученый, вот что!

Февраль. Ночь. Кошмар.

Потемки. Шум. Крики. Голоса.

Шатающиеся фигуры Шарикова и двух других.

За ними – Дарья Петровна (бьет веником), Федор.

Федор (*к телефону*): Сорок пятое отделение?

Гости: Ну ладно... ты погоду...

Голос профессора (*из прихожей*): Вон!

Гости исчезают.

Короткая тишина.

Профессор (*входит с Борменталем*): Вот дьявол... малахитовая пепельница пропала с подзеркальника в передней...

Федор (*сокрушенно*): Ай-яй-яй...

Профессор: ...и бобровая шапка...

Федор (*сокрушенно*): Ай-яй-яй...

Профессор: И еще трость моя с дарственной...

Федор (*сокрушенно*): Ай-яй-яй...

Профессор: Когда ж успели?

Борменталь: Я же говорю: в милицию надо!

Профессор угрожающе надвигается на мертвецки пьяного Шарикова.

Профессор (*сжимая кулаки*): Кто они такие?

Шариков (*шатаясь*): Личности мне неизвестны... и это... они не сукины дети какие-нибудь, а – хорошие... трудящие...ся.

Профессор (*махнув на Шарикова рукой; в крайнем удивлении*): Изумительнее всего, что ведь они же оба пьяные... Как же они ухитрились?

Федор (*принимая от профессора рубль*): **Специалисты.** (*уходит*)

Профессор (*снова напускаясь на Шарикова*): Соизвольте объяснить, куда вы подевали два червонца из моего кабинета?

Шариков (*невнятно, но решительно*): Какие червонцы?.. Ничего не брал я... И вообще... я не один в квартире.

Профессор (*тихим, но страшным по оттенку голосом*): Ага, быть может, это доктор Борменталь свистнул червонцы?

Шариков (*качнувшись*): А может быть, Зинка взяла...

Зина (*появившись в дверях, прикрывая на груди расстегнутую кофточку ладонью*): Что такое?.. Да как он...

Профессор (*простирая к ней руку*): Спокойно, Зинуша, не волнуйся, мы все это устроим.

Зина ревет во весь голос.

Борменталь (*растерянно*): Зина, как вам не стыдно? Кто же может подумать? Фу. какой срам!

Профессор: Ну, Зина, ты – дура, прости господи...

Зинин плач прекращается сам собой, и все умолкают.

Шарикову нехорошо.

Шариков (*стукнувшись головой об стену*): Эээ...

Профессор: Ведро ему, негодяю, из смотровой дать!

Все бегают, ухаживая за заболевшим Шариковым.

Профессор медленно опускается на пол.

Поднимает глаза куда-то вверх.

И издает негромкий, но отчетливый, протяжный вой.

Ночь. Военный совет.

Кабинет.

Профессор и Борменталь.

Коньяк и сигары.

Борменталь (*твердо*): Конечно. Я его убью!

Профессор (*категорически*): Запрещаю это!

Борменталь: Да помилуйте! Помилуйте, Филипп Филиппович, да ежели его еще обработает этот Швондер, что ж из него получится?! Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!

Профессор: Ага! Теперь поняли? А я понял через 10 дней после операции. Ну так вот, Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь. в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки.

Борменталь: Еще бы! Одни коты чего стоят! Человек с собачьим сердцем.

Профессор: О нет, нет, - протяжно ответил Филипп Филиппович, - вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради бога, не клеветайте на пса. Коты – это временно. Это вопрос дисциплины и двух-трех недель. Уверяю вас. Еще какой-нибудь месяц, и он перестанет на них кидаться.

Борменталь: А почему не теперь?

Профессор: Иван Арнольдович, это элементарно... Что вы, на самом деле, спрашиваете? Да ведь гипофиз же не повиснет в воздухе. Ведь он все-таки привит на собачий мозг, дайте же ему прижиться. Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты – это лучшее из всего, что он делает. Сообразите. что весь ужас в том, что у него уж не собачье. а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которые существуют в природе!

*Появляется Дарья Петровна.
В одной ночной рубашке.
Тащит Шарикова.*

Дарья Петровна (*тряхнув Шарикова*): Полюбуйтесь, господин профессор, на нашего визитера Телеграфа Телеграфовича. (*швыряет его на пол*) Я замужем была, а Зина – невинная девушка. Хорошо еще, что я проснулась.

*Окончив эту речь, Дарья Петровна впадает в состояние стыда,
вскрикивает, закрывает грудь руками и убегает.*

Профессор (*вслед*): Дарья Петровна, извините, ради бога...

*Борменталь засучивает рукава рубашки повыше
и надвигается на Шарикова.*

Профессор: Что вы, доктор! Я запрещаю...

*Борменталь правой рукой берет Шарикова за шиворот
и трясет его так, что полотно на сорочке спереди трескается.
Филипп Филиппович бросается наперерез,
пытается выдрать Шарикова из цепких хирургических рук.*

Шариков (*полузадушенный; трезвея*): Вы не имеете права биться! Караул!

Профессор: Доктор!

Борменталь: Ничего не позволю себе дурного, Филипп Филиппович, не беспокойтесь. Зина и Дарья Петровна!

Обе появляются.

Борменталь: Ну, повторяйте: извините меня...

Шариков: Ну хорошо, повторяю...

Профессор: Доктор, умоляю вас.

Борменталь: ... Извините меня, многоуважаемая Дарья Петровна и Зинаида ?..

Зина: Прокофьевна...

Шариков (*перехватывая воздух*): Уф, Прокофьевна... что я позволил себе...

Борменталь: Себе гнусную выходку ночью в состоянии опьянения...

Шариков: Опьянения...

Борменталь: Никогда больше не буду...

Шариков: Не бу...

Зина и Дарья Петровна (*одновременно*): Пустите, пустите его, Иван Арнольдович, вы его задушите.

*Борменталь выпускает Шарикова на свободу.
Женщины тихонько ретируются.*

Борменталь: Теперь имейте в виду следующее: быть тише воды ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь со мною дело. Понятно?

Шариков: Понятно.

*Борменталь хватает Шарикова под мышки
и волочет его в приемную спальню.*

Профессор: Ну-ну...

На следующий день. Невеста.

*Приемная.
Профессор, Борменталь, Зина, Дарья Петровна.*

Профессор: То есть как пропал?

Зина: Да так как-то... Ушел на рассвете во все одетый.

Дарья Петровна: И слава тебе, Господи, дай Бог не вернется...

Зина: Еще бутылку рябиновой в буфете стянул, и перчатки доктора Борменталья...

Профессор: Воображаю, что будет твориться на улице...

Зина: И все свои документы унес...

Профессор: Вообража-а-ю. От Севильи до Гренады, боже мой.

Борменталь: Он в домкоме еще может быть!

Дарья Петровна: Батюшки! Да у меня ж этот паршивец накануне три с полтиной занял.

Профессор: Так вам и надо!

Вдруг воцаряется тишина.

Входит Шариков.

Молча снимает пальто, кепку.

Кожаная куртка, кожаные штаны.

Приглаживает волосы перед зеркалом.

Долгое молчание.

Шариков: Я, Филипп Филиппович, на должность поступил.

Короткая пауза.

Профессор (*опомнившись первым*): Бумагу дайте.

Шариков протягивает ему аккуратно сложенный листок.

Профессор (*читает*): «Предъявитель сего товарищ Полиграф Полиграфович Шариков действительно состоит заведующим подотделом очистки города Москвы от бродячих животных (котов и пр.) в отделе МКХ»... (*пауза*) Так, кто же вас устроил? Ах, впрочем, я и сам догадываюсь.

Шариков: Ну да, Швондер.

Борменталь: Позвольте вас спросить – почему от вас так отвратительно пахнет?

Шариков понюхал куртку озабоченно.

Шариков (*озабоченно понюхав куртку*): Ну что ж, пахнет... известно: по специальности. Вчера котом душили, душили...

Профессор (*глухо и автоматически*): Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?

Шариков: На польты пойдут, из них белок будут делать на рабочий кредит.

*Шариков идет к входной двери,
открывает ее.*

Шариков (*в дверь*): Заходи.

Входит очень смущенная худенькая барышня.

Профессор: Позвольте узнать?

Шариков: Я с ней расписываюсь, это – наша машинистка, жить со мной будет. (*неприятно и хмуро*) Борменталья надо будет выселить из приемной. У него своя квартира есть.

Профессор (*подумав; барышне, очень вежливо*): Я вас попрошу на минуточку ко мне в кабинет.

Шариков (*быстро и подозрительно*): И я с ней пойду.

Борменталь: Извините, профессор побеседует с дамой, а мы уж с вами побудем здесь.

*Профессор уводит барышню в кабинет.
Что-то объясняет ей.
Она сразу начинает рыдать.*

Шариков (*пытаясь устремиться вслед; злобно*): Я не хочу!..

Борменталь: Нет, простите...

Короткая борьба.

*Борменталь заламывает Шарикову кисть,
уводит в смотровую.*

Барышня (*в кабинете; рыдает*): Он сказал, негодяй, что ранен в боях...

Профессор (*непреклонно*): Лжет. Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие... Вот что...

*Открывает ящик письменного стола,
достаёт три бумажки по три червонца.*

Барышня: Я отравлюсь, в столовке солонина каждый день... и угрожает... говорит, что он красный командир... со мною, говорит, будешь жить в роскошной квартире... каждый день ананасы... психика у меня добрая, говорит, я только котов ненавижу. Он у меня кольцо на память взял...

Профессор: Ну, ну, ну, - психика добрая... От Севильи до Гренады... нужно перетерпеть – вы еще так молоды...

Барышня: Неужели в этой самой подворотне?

Профессор (*орет*): Ну, берите деньги, когда дают займы!

Барышня берет испуганно и неловко.

Профессор: Доктор Борменталь! Ведите...

Борменталь вводит Шарикова.

Барышня: Подлец.

Профессор (*вкрадчиво*): Отчего у вас шрам на лбу? Потрудитесь объяснить этой даме.

Шариков (*ва-банк*): Я на колчаковских фронтах ранен!

Барышня с громким плачем выходит.

Профессор (*вслед*): Перестаньте! (*Шарикову*) Погодите, колечко позвольте.

*Тот покорно отдаёт колечко.
Профессор идет за барышней.*

Шариков (*злобно*): Ну, ладно, попомнишь ты у меня. Завтра я тебе устрою сокращение штатов.

Борменталь (*кричит вслед*): Не бойтесь его, я ему не позволю ничего сделать.
(*наступает на Шарикова*) Как ее фамилия? (*ревет*) Фамилия!

Шариков (*ища глазами, как бы улизнуть*): Васнецова.

Борменталь (*взявшись за лацкан шариковской куртки*): Ежедневно сам лично буду справляться в очистке – не сократили ли гражданку Васнецову. и если только вы... узнаю, что сократили, я вас... собственными руками здесь же пристрелю Берегитесь, Шариков, - говорю русским языком !..

Шариков: У самих револьверы найдутся...

И тотчас, изловчившись, выскакивает из кабинета.

Борменталь (*вдогонку*): Берегитесь!

Утро. Бенефис.

Приемная.

Профессор, Борменталь, Зина, Дарья Петровна.

Профессор: То есть как пропал?

Зина: Да так как-то... Ушел на рассвете во все одетый.

Дарья Петровна: И слава тебе, Господи, дай Бог не вернется...

Зина: Еще бутылку рябиновой в буфете стянул, и перчатки доктора Борменталья...

Профессор: Воображаю, что будет твориться на улице...

Зина: И все свои документы унес...

Профессор: Вообража-а-ю. От Севильи до Гренады, боже мой.

Борменталь: Он в домкоме еще может быть!

Дарья Петровна: Батюшки! Да у меня ж этот паршивец накануне три с полтиной занял.

Профессор: Так вам и надо!

Вдруг воцаряется тишина.

Входит Шариков.

Молча снимает пальто, кепку.

Кожаная куртка, кожаные штаны.

Приглаживает волосы перед зеркалом.

Долгое молчание.

Шариков: Я, Филипп Филиппович, на должность поступил.

Короткая пауза.

Профессор (опомнившись первым): Бумагу дайте.

Шариков протягивает ему аккуратно сложенный листок.

Профессор (читает): «Предъявитель сего товарищ Полиграф Полиграфович Шариков действительно состоит заведующим подотделом очистки города Москвы от бродячих животных (котов и пр.) в отделе МКХ»... (пауза) Так, кто же вас устроил? Ах, впрочем, я и сам догадываюсь.

Шариков: Ну да, Швондер.

Профессор: Позвольте вас спросить – почему от вас так отвратительно пахнет?
Шариков понюхал куртку озабоченно.

Шариков (*озабоченно понюхав куртку*): Ну что ж, пахнет... известно: по специальности. Вчера котом душили, душили...

Борменталь неожиданно подлетает к Шарикову и хватает его за глотку.

Шариков: Караул!

Профессор: Доктор!

Борменталь: Ничего не позволю себе дурного, Филипп Филиппович, не беспокойтесь. Зина и Дарья Петровна!

Обе появляются.

Борменталь: Ну, повторяйте: извините меня...

Шариков: Ну хорошо, повторяю...

Профессор: Доктор, умоляю вас.

Борменталь: ... Извините меня, многоуважаемая Дарья Петровна и Зинаида ?..

Зина: Прокофьевна...

Шариков (*перехватывая воздух*): Уф, Прокофьевна... что я позволил себе...

Борменталь: Себе гнусную выходку ночью в состоянии опьянения...

Шариков: Опьянения...

Борменталь: Никогда больше не буду...

Шариков: Не бу...

Зина и Дарья Петровна (*одновременно*): Пустите, пустите его, Иван Арнольдович, вы его задушите.

Борменталь выпускает Шарикова на свободу.

Борменталь: Теперь имейте в виду следующее: вы опять вернулись в квартиру Филиппа Филипповича?

Шариков (*робко*): Куда же мне еще?

Борменталь: Отлично-с. Быть тише воды ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь со мною дело. Понятно?

Шариков: Понятно.

Профессор (*после долгого молчания; глухо и автоматически*): Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?

Шариков: На польты пойдут, из них белок будут делать на рабочий кредит.

На следующий день. Невеста.

Передняя.

Шариков тащит за руку худенькую барышню.

Появляется профессор.

Почти сталкиваются.

Короткая неловкая пауза.

Профессор: Позвольте узнать?

Шариков: Я с ней расписываюсь, это – наша машинистка, жить со мной будет. (*неприятно и хмуро*) Борменталь надо будет выселить из приемной. У него своя квартира есть.

Профессор (*подумав; барышне, очень вежливо*): Я вас попрошу на минуточку ко мне в кабинет.

Шариков (*быстро и подозрительно*): И я с ней пойду.

Тут же появляется Борменталь.

Борменталь: Извините, профессор побеседует с дамой, а мы уж с вами побудем здесь.

Профессор уводит барышню в кабинет.

Что-то объясняет ей.

Она сразу начинает рыдать.

Шариков (*пытаясь устремиться вслед; злобно*): Я не хочу!..

Борменталь: Нет, простите...

Короткая борьба.

*Борменталь заламывает Шарикову кисть,
уводит в смотровую.*

Барышня (*в кабинете; рыдает*): Он сказал, негодяй, что ранен в боях...

Профессор (*непреклонно*): Лжет. Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие... Вот что...

*Открывает ящик письменного стола,
достаёт три бумажки по три червонца.*

Барышня: Я отравлюсь, в столовке солонина каждый день... и угрожает... говорит, что он красный командир... со мною, говорит, будешь жить в роскошной квартире... каждый день ананасы... психика у меня добрая, говорит, я только котом ненавижу. Он у меня кольцо на память взял...

Профессор: Ну, ну, ну, - психика добрая... От Севильи до Гренады... нужно перетерпеть – вы еще так молоды...

Барышня: Неужели в этой самой подворотне?

Профессор (орет): Ну, берите деньги, когда дают займы!

Барышня берет испуганно и неловко.

Профессор: Доктор Борменталь! Ведите...

Борменталь вводит Шарикова.

Барышня: Подлец.

Профессор (вкрадчиво): Отчего у вас шрам на лбу? Потрудитесь объяснить этой даме.

Шариков (ва-банк): Я на колчаковских фронтах ранен!

Барышня с громким плачем выходит.

Профессор (вслед): Перестаньте! (*Шарикову*) Погодите, колечко позвольте.

Тот покорно отдает колечко.

Профессор идет за барышней.

Шариков (злобно): Ну, ладно, попомнишь ты у меня. Завтра я тебе устрою сокращение штатов.

Борменталь (кричит вслед): Не бойтесь его, я ему не позволю ничего сделать. (*наступает на Шарикова*) Как ее фамилия? (*ревет*) Фамилия!

Шариков (ища глазами, как бы улизнуть): Васнецова.

Борменталь (взявшись за лацкан шариковской куртки): Ежедневно сам лично буду справляться в очистке – не сократили ли гражданку Васнецову. и если только вы... узнаю, что сократили, я вас... собственными руками здесь же пристрелю Берегитесь, Шариков, - говорю русским языком !..

Шариков: У самих револьверы найдутся...

И тотчас, изловчившись, выскакивает из кабинета.

Борменталь (вдогонку): Берегитесь!

Вскоре. Донос.

Профессор в кабинете.

*Входит посетитель,
вежливо щелкает каблуками.*

Профессор: У вас боли, голубчик, возобновились? Садитесь, пожалуйста.

Посетитель (*ставя шлем на угол стола*): Мерси. Нет, профессор, я вам очень признателен... Гм... Я приехал к вам по другому делу, Филипп Филиппович... питаю большое уважение... гм... предупредить. Явная ерунда. просто он прохвост... (*лезет в портфель, вынимает бумагу*) хорошо, что мне непосредственно доложили...

Профессор читает.

*В приемной – Шариков, Швондер, Вяземская, Пеструхин и Жаровкин.
Крайне оживлены. Корпят над бумагой.
Потирают руки, хихикают...*

Шариков: ... а также угрожая убить председателя домкома товарища Швондера...

Швондер: ...из чего видно, что хранит огнестрельное оружие.

Вяземская: И произносит контрреволюционные речи...

Шариков: ...и даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке...

Жаровкин: ...как явный меньшевик...

Шариков (*мстительно*): ...со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдovichем...

Швондер (*заключает торжествующе*): ...который тайно, не прописанный, проживает в его квартире! Подпись заведующего подотделом очистки П.П. Шарикова – удостоверяю, председатель домкома Швондер.

Пеструхин (*быстро добавляет*): Секретарь Пеструхин.

Исчезают.

Профессор, дочитав, снимает пенсне.

Профессор (*мертвым голосом*): Вы позволите мне это оставить у себя? Или, виноват, может быть, это вам нужно, чтобы дать законный ход делу?

Посетитель (*очень обидевшись*): Извините, профессор, вы действительно очень уж презрительно смотрите на нас. Я...

Профессор (*как-то слишком суетливо*): Ну извините, извините, голубчик! Простите, я, право, не хотел вас обидеть. Голубчик, не сердитесь, меня он так задержал...

Посетитель (*успокаиваясь*): Я думаю. Но какая все-таки дрянь! (*раскланиваясь и выходя из кабинета*) Любопытно было бы взглянуть на него. В Москве прямо легенды какие-то про вас рассказывают...

Филипп Филиппович только отчаянно машет рукой.

Тем же вечером. Конец эксперимента.

Прихожая.

Появляется Шариков.

Ему навстречу – профессор и Борменталь.

Профессор (*с очень зловецим спокойствием*): Сейчас заберите вещи: брюки, пальто, все, что вам нужно, - и вон из квартиры!

Шариков (*искренне*): Как это так? – искренне удивился Шариков.

Профессор (*монотонно*): Вон из квартиры – сегодня!

Шариков (*злобно и отрывисто*): Да что такое, в самом деле! Что я, управы, что ли, не найду на вас? Я на 16 аршинах здесь сижу и буду сидеть.

Профессор: Убирайтесь из квартиры.

Шариков поднимает левую руку и показывает профессору шиш.

Правой рукой по адресу опасного Борменталья

из кармана вынимает револьвер.

Папироса Борменталья падает.

Долгое молчание.

Борменталь кидается на Шарикова.

Борьба.

Револьвер выбит.

Шариков – на кушетке.

Борменталь душит его подушкой.

Затем вместе с профессором тащит его в операционную.

Появляются напуганные Зина и Дарья Петровна.

Борменталь (*выглянув из операционной*): Профессор просит вас никуда не уходить из квартиры.

Зина и Дарья Петровна (*робко*): Хорошо.

Борменталь: Позвольте мне запереть дверь на черный ход и забрать ключ. Это временно, не из недоверия к вам. Но кто-нибудь придет, а вы не выдержите и откроете, а нам нельзя мешать. Мы заняты.

Зина и Дарья Петровна (*робко*): Хорошо.

Борменталь исчезает.
Некоторое время по ночной квартире мелькают еще
тени напуганных женщин.
Потом наступает тишина.

Через десять дней.

Столовая.
Завтрак.
Резкий звонок.

Зина: Там это... милиция и следователь. Открыть?

Профессор (*почти весело*): Открывай!

Входит молодой следователь в штатском
и два милиционера.

Профессор: Проходите. Прошу простить за вид...

Следователь (*очень смущенно*): Не стесняйтесь, профессор. Очень неприятно. У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и, - человек покосился на усы Филиппа Филипповича и dokonчил, - и арест, в зависимости от результата.

Профессор: А по какому обвинению, смею спросить, и кого ?

Следователь (*вычитывая по бумажке из портфеля*): По обвинению Преображенского, Борменталья, Зинаиды Буниной и Дарьи Ивановой в убийстве заведующего подотделом очистки МКХ Полиграфа Полиграфовича Шарикова.

Рыдания Зины.

Профессор: Ничего я не понимаю. Какого такого Шарикова ? Ах, виноват, этого моего пса... которого я оперировал ?

Следователь: Простите, профессор, не пса, а когда он уже был человеком. Вот в чем дело.

Профессор: То есть он говорил ? – спросил Филипп Филиппович. – Это еще не значит быть человеком. Впрочем, это неважно. Шарик и сейчас существует, и никто его решительно не убивал.

Следователь: Профессор, тогда его придется предъявить. Десятый день, как пропал, а данные, извините меня, очень нехорошие.

Профессор: Доктор Борменталь, благоволиите предъявить Шарика следователю.

*Доктор Борменталь, криво улыбнувшись, выходит.
Возвращается.
За ним Шарик:
почти на четвереньках, обросший наполовину шерстью.
Второй милиционер вдруг перекрестился размашистым крестом.*

Следователь: Как же, позвольте ?.. Он служил в очистке...

Профессор: Я его туда не назначал, ему господин Швондер дал рекомендацию, если я не ошибаюсь.

Следователь: Я ничего не понимаю. – Это он ?

Милиционер: Он. Форменно он.

Федор: Он самый, только сволочь, опять оброс.

Следователь: Он же говорил... кхе... кхе...

Профессор: И сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет.

Следователь: Но почему же ?

Профессор: Наука еще не знает способов обращать зверей в людей. Вот я попробовал, да только неудачно, как видите. Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм.

Шарик (*громко и отчетливо*): Неприличными словами не выражаться!

*Следователь медленно и неловко заваливается на пол.
Гаснет свет.
Крики в темноте:*

Профессор: Валерьянки. Это обморок.

Борменталь: Швондера я собственноручно сброшу с лестницы, если он еще раз появится в квартире профессора Преображенского.

Швондер: Прошу занести эти слова в протокол.

*Полумрак.
Клетка с собакой.
Профессор кормит ее через прутья клетки.
На патефоне играет пластинка.
Аида...*